

Almorazap

B&L

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

МОСКОВСКИЙ ВЫПУСК

22

1327857

Вологда
2002

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
В. Кокорин, В. Серков и др.	4
В МИРЕ РУБЦОВА	10
В. Белков	10
Г. Мартюкова	17
С. Лагерев	19
Н. Переслегина	21
В. Кокорин	23
ИЗБРАННОЕ	24
Георгий Попов	24
Валентин Шагинов	27
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	29
Н. Скагов	29
В. Бараков	30
А. Ципко	30
О. Черноричская	32
Книжная полка	37
КОРОТКАЯ ПРОЗА	38
Ольга Кузнецова	38
ПЕРЕВОДЫ	40
В. Белков	40
Е. Лысенкова	41
ГРАФИКА	42
Евгению Лебедеву — 50 лет!	42
Экслибрисы	43

На 3 странице гравюра Г. Кравцова «Москва»

На 10 стр. рисунок Михаила Копьева

Владислав КОКОРИН

ПОСЛАНИЕ МОСКВИЧАМ

«Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!»

М. Ю. Лермонтов

Видашь, на то Господня воля
Что взяли нехристи Москву.
На рыночном, безбожном поле
Пожнут, наивные, тоску.

Я верю: всю не захватили,
Им вся Москва не по зубам.
Но вас нахрапом притеснили
Почти к «отеческим гробам».
Но ты — москвич! Ты — русский!
Крепко
Держись! И по Москве не плачь.
Не все продули на рулетке
Хлыщи — «москвачка» и «москвач».
Еще остались, да — остались
Под сердцем матушки-Москвы
И те, кто за нее сражались,
И те, кто будет, то есть — вы.
Держитесь, милые! Хоть криво
Косится суеверный гать.
Москва стояла третьим Римом,
Четвертому — не устоять.
Навеки сказано: «не быти».
Здесь — третий Рим. Иначе —
смерть.
Земная не качнется твердь,
Покуда вы в Москве стоите!

Танюша, давай почитаем стихи.
Ты все-таки едешь, и все-таки в Сочи.
Что значат слова среди всей чепухи,
Что мы натворили с тобой между про-
чим?

Что значат слова, не обретши чув-
ства?
И чувства, которые «просто слова»?
Быть искренней, девочка, все же искус-
ство.
А все, что искусственно, так — поло-
ва.

Взгляни, как летят эти желтые листья.
Незримою силой влекомые с веток.
Вот так же и мы через час разлетимся,
Два легких и быстрых, по белому све-
ту.

Ты знаешь ли край, где сейчас уже иней
Хрустящей походкой выходит в поля...
Ты можешь ли знать, как больней и
ранимей
С годами нежаркая эта земля?

Как нужно тепло ей и руки людские,
И как не хватает еще этих рук?
А ты мне про фрукты, про страсти
морские...
Прощай. Не сердись. Я ведь северный
«фрукт».

г. Вологда

Юрий МАКСИН

Когда закат искрошен на полу
подвижной тенью моего жасмина,
но домовой ещё не взял метлу,
и не повисла темени гардина,

когда в моем саду разлита тишь,
и каждый шорох напрягает тело,
невольно мыслью к юности летишь,
которая так трепетно горела.

И теплится, неясное пока,
чего дороже нет на самом донце...
И проступила кружка молока,
Поставленная мамой на оконце.

«ЗЕЛЕНАЯ» ТОСКА

А времени все меньше, дорогая.
Я больше не стою в очередях.
Гляжу, как люди вещи покупают,
как радость зажигается в глазах.

Шальные деньги оживили время,
оно жужжит, как муха у виска.
В родной земле растет родное племя,
и вместе с ним — «зеленая» тоска.

СТРАНА ЛЮБВИ

Знаете, девочка, в этой стране
долго придется искать виноватых.
Милый умчит на горячем коне,
крикнешь: «Куда?», не услышит.

Куда там!

Выврано сердце и брошено в снег,
и продолжает, нелепое, биться.
Если без сердца живёт человек,
лучше бы вовсе ему не родиться.

Белое сердце не хочет остыть,
брызжет на снег чем-то жутким
и красным.
Может, оно не умело любить?
Нет! Но его захотели несчастным.

Господи! Как тяжело сознавать,
что не сумеешь обуздать эту силу.
Господи! Кто научил убивать?
Что это было?
Ах, что это было!?

Александр ДУБИНИН

ОКНО

В отвалах жизни колупаясь,
Расчистил дом, а в нем окно,
В слепую стену утыкаясь...
Ненастоящее оно...

Как декорация на сцене...
Жилец рехнулся или пьян!
Творил окно по рабской схеме
Иль навредить хотел, смутьян!?

Чтоб выжить, выстрадай систему.
На волю обеспечь окно.
Рви динамитом эту стену,
Когда другого не дано!

Чтоб выжить, выстрадай систему.
Тебе много не дано.
Герой насквозь проходит стену
И пьет с подругою вино.

Чтоб выжить, выстрадай систему.
Все варианты заодно:
В душе разрушить эту стену
И пастежь распахнуть окно!

Вячеслав БЕЛКОВ

В. Я.

Привет московским тротуарам.
Они не ждут меня... Не ждут.
По нашим мостовым, по старым,
Мои сограждане идут.

И снег идет, морозны лица,
Тень облачная на земле.
И грест, и блестит столица,
Но мне на родине теплей.

Плывите, медленные ноги,
Летите, мысли, высоко.
Пусть напишу я для немногих —
Для земляков и облаков,

Есть ветер, что погодой правит
И дальше облака несет.
Безветрис меня раздавит,
Метель родимая — спасет.

ПАДАЛ СНЕГ

М. Козлову

Под этим падающим снегом
Не замреть, не повернуть.
Он будет падать, падать, падать
На плечи, голову и грудь.

Под этим падающим снегом
И думать хочется смелей.
О чем? Да просто: был или не был
Мой путь на ласковой земле.

Под этим падающим снегом.
Я обернулся. И слеза
Большой снежинкой
прямо с неба
Скагилась в ясные глаза.

Под этим падающим снегом...

Александр БОБРОВ

Я разлюбил Москву. Она — чужая:
Святую часть моей большой зсмли,
По камешку, по капле разрушая.
До города-муганта низвели.

Не собираюсь мыслить черно-бело,
Судачить: хороши — не хороши
Все офисы, соборы-новоделы.
Все башенки, дома-карандаши —
Ужасный вкус...

Но суть — не только в этом.
Какая жизнь открытая текла!
И в воздухе, разреженном,

прогретом,
Мне не хватает прежнего тепла.

Дворов уютных, смены настроений
Среди домов, построенных с душой.
Москва вовек
останется деревней,
Пусть даже олимпийской и большой.

Не доведется в этом убедиться.
Как возвратить во сне ли, наяву?
По-нашему — напиться и забыться?
А может, по-бесстрашному влюбиться
И рассказать тебе
свою Москву...

Инна КАБЫШ

Электричка спешит в Москву...
Я давно ни о чем не плачу:
это дождь.
Разве я живу?
Я здесь просто снимаю дачу.

Я тащу на себе свой быт
этим вывороченным проселком,
где убит ты иль не убит,
ты и сам-то не знаешь толком.

Я-то ладно, я все ж поэт,
я не зря хоть здесь умираю...
Конца края России нет,
и в ней каждый бредет по краю.

Татьяна ЛАВТАКОВА

Неверная рифма капризна,
Сюжеты избиты и плоски.
По страсти справляю я тризну,
И жалки любви отголоски.

Я нынче разумна до жути,
Я праведна и деловита,
Пытаюсь «доехать» до сути,
А тема плоска и избита.

С тобою сегодня в разлуке.
Вот это и тема, и драма,
И я изгаляюсь от скуки,
Серьезная мудрая дама.

А рифма нсверна, капризна,
Сюжеты избиты и плоски....
По страсти справляю я тризну,
Не смолкли б любви отголоски!

Виталий СЕРКОВ

ПОЗИЦИЯ

Меня волнует не рисунок,
А слов негромких чистый звук.
Я не приму пустой подсумок
Из вороватых ваших рук.

Пустое шелканье затвором
Мне опостылело вдвойне,
И вам меня не сделать вором
На не объявленной войне.

Я не подвержен той заразе
И на отеческих гробах
Плясать не стану. Чистой фразе
Найдется место на губах.

СТИХОТВОРЦУ

Ты вновь и Богу ставишь свечку,
И черту ставишь кочергу:
Ту — в красный угол, ту — за печку,
То свет являя, то пургу.

И вашим хочется, и нашим
И угодить, и услужить:
Одним — смирением монашьим,
Другим — уменьем ловко жить.

Ни «Рождеством»,
ни «Светлой Пасхой»

В твоих стихах не обольщусь.
Я прочитаю их с опаской
И, отложив, перекрещусь.

Март 2002 г.

Галина ШВЕЦОВА

ШУТОЧНОЕ

Не гляди веселым кружевом
На меня, осенний куст,
Все равно от жизни нужного
Вряд ли я чего добыюсь.
Среди рожи запорошенной
Лишь холодный рыщет ветер
Да бедой глядит непрошенной
Лес, в котором листьев нет.
Обернусь удостовериться:
Облетел веселый куст? —
Нипочем ему метелица.
Или я всего боюсь?
Вскинет голову бедовую
И в укор качнет рукой.
Швелюрою медовую
Сладкий жалую покой.

г. Сокол

Татьяна РЖАННИКОВА

ВИРУС

Лишь малая толика света —
Задвинуты наглухо шторы;
В раздумьях окончилось лето,
И как-то внезапно — октябрь.
И — будничные разговоры,
И те же на завтрак котлеты,
И те ж методичные гости,
Песущие с улицы хмарь,
А помнится — было ипаче:
Делилось на плюс или минус —
И радости, и неудачи...
Теперь — все почти что равно.
Какой-то устойчивый вирус
Мне в голову меткой подачей
Забит отрезвляем от жизни
По принципу домино.

г. Череповец

Николай КУЗНЕЦОВ

КАКАЯ ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Какая ясная поляна!
Наверно, это от берёз!
Как струйки тонкие кальяна,
Они текут через мороз.
Таким целительным бальзамом
От них повеяло на грудь,
Что всё отпало как-то само!
Сомненья, горести и грусть.
В душе берёзово и чисто
Сиянье тихое зажглось,
Как будто музыкой лучистой
Она пронизана насквозь!

Душа моя! Ты как поляна,
Где много сосен и берёз,
Как струйки тёплые кальяна,
Текут, текут через мороз!

г. Череповец

Александр ЯКУНОВ

На травы дикие великий пал туман,
с полей задумчивых повеяло
прохладой,
и облаков несспешный караван
отплыл к врагам неведомого града.

А там, на западе, где сходится заря
с верхушкой бора, обрубённого
со мглою,
цветком, кровинкой, грудкой снегиря
живое солнце реет над землёю.

Ты подыми его на чуткую ладонь,
не дай упасть ему в сиянье заревое...
Владыка дня, божественный огонь —
и птаха малая, и солпышко живое!

Сергей ШИХОВ

Не надо плакать,
Все уже прошло...
Печаль и горе
Снегом занесло.

Закрой глаза,
Уйми свои печали,
Я уйду и все
Тебе прощаю.

Забудь меня таким,
Каким я был.
Забудь все то,
Что я наговорил.
Я уйду дорогой
В никуда.
Я уйду дорогой
В небеса.
Я уйду —
И мне уже пора.
А ты и не смотри
В мои глаза.
Там где-то ждут
Меня мои друзья,
Но буду помнить
Только лишь тебя.

ТУМАН

Туман над полем опустился.
Уснули птицы все давно.
И вдруг затихло так внезапно,
А я сегодня спать не буду все равно.

Трещит костер, летают искры,
Как странно все вокруг, чудно.
Луна на небе серебрится.
А мне не спится все равно.

Туман — безмолвный собеседник,
Окутал все вокруг давно.
Кругом сегодня так тепло.
Но не усну я все равно.

г. Вологда

Вячеслав БЕЛКОВ

ЗВЕЗДНЫЙ ГОД НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В биографии Николая Рубцова есть еще белые пятна. Одно из таких пятен — начало 1967 года. Может быть, единственное документальное свидетельство о том времени — воспоминания поэта Сергея Чухина. Он пишет: «В январе 1967 года я решил временно перейти на заочное отделение института, прислал в Вологду и был принят на работу в газету «Вологодский комсомолец». Встречи с Николаем Рубцовым стали почти ежедневными. Надо сказать, что редакция молодежной газеты сделала немало доброго для поэта. Она первой начала давать большие подборки стихов Рубцова, платила ему максимальный гонорар...»

Думаю, что в начале этого года, звездного для великого поэта, Рубцов бывал и в других местах. Например, в Москве. Вероятно, когда живший в столице А. Яшин писал Рубцову рекомендацию для вступления в Союз писателей, Николай Михайлович находился где-то рядом. А написал Яшин так: «Поэтическое дарование Николая Рубцова настолько бесспорно и уже так отчетливо выявилось в 2-х его книгах и в журнальной и газетной периодике, что я не вижу необходимости в подробной характеристике его работы. Рекомендую принять поэта Николая Рубцова в члены Союза советских писателей. А. Яшин. 24.02.67. Москва».

Яшин говорит тут о двух книгах, но, вероятно, вторая — «Звезда полей» — еще не вышла. Видимо, со слов Рубцова (и, возможно, Егора Исаева) Яшин знал: книга эта вот-вот выйдет. В январе или еще раньше Николай вычитал верстку своей главной книжки, а 9 февраля она была подписана к печати.

Об истории создания и издания «Звезды полей» я уже подробно писал в свое время. Здесь напомним лишь, что стихи, вошедшие в нее, были написаны поэтом в основном еще в 1963–1965 годах и могли войти в первую книжку Рубцова, если бы в Архангельском издательстве работали тогда порядочные люди.

А о выходе «Звезды полей» в свет многие, и я в том числе, говорили раньше неточно. Например, в книге о поэте в серии «ЖЗЛ» Николай Коняев сначала пишет, что главная книга Рубцова вышла осенью. Через три страницы говорит, что «сборник вышел в начале лета, и почти весь тираж заслали в Вологодский книготорг», затем снова пишет об осени. Теперь стало ясно, что книга вышла скорей всего в апреле и сразу стала продаваться в Москве. Такой вывод можно сделать из воспоминаний А. Чететина. Он пишет: «Недалеко от моего дома, в Черемушках, в книжном магазине появилась книга Рубцова «Звезда полей». Обрадовался несказанно, взял несколько экземпляров. На другой день встретил возле института Колно, горячо поздравил. Узнав, где кулисна книжка, он решил ехать вместе со мной, чтобы купить себе: в других магазинах она уже прошла, достать было невозможно... Попросили все, что было в магазине, то есть оставшиеся двенадцать экземпляров, и решили зайти ко мне отметить это чрезвычайно знаменательное событие». Отметить «подлинно поэтическую книжечку стихов, явившуюся к нам словно из другой галактики: так сильно мы отвыкли к тому времени от слова совершенно искреннего и живого, от слова первозданного...» А вот и точная дата этих событий — 6 мая 1967 года — именно тогда Рубцов подписал своему другу «Звезду полей»: «Толе, Анатолию Чететину с вечной любовью. Н. Рубцов».

15 мая поэт дарит книгу своему преподавателю Н. Н. Сидоренко, 2 июня — А. Азовскому, 7 июня — драматургу Александру Вампилову и т. д. Надпись Вампилову особенно интересна: «По-настоящему дорогому человеку на земле без слов о твоём творчестве, которое будет судить классическая критика». Между прочим надписи подсказывают нам, что Рубцов находился тогда в Москве. Видимо, был на сессии в литинституте. Но мы забежали немного вперед, вернемся на несколько месяцев назад.

Когда была зимняя сессия у Рубцова, я не знаю. Но до начала марта Неля Старичкова в Вологде поэта не видела. И вот 8 марта в ее квартире раздался телефонный звонок. Это была Нина Груздева, поэтесса:

— Неля, приходи ко мне... (Она жила в это время в общежитии-гостинице на ул. Октябрьской). Коля Рубцов хочет тебя видеть.

Сердце мое застучало: и верится, и не верится.

— Он далеко?

— Нет, рядом стоит.

— Почему он молчит? Пусть сам об этом скажет.

И сразу же — ясный рубцовский баритон. Он что-то говорит мне веселым голосом, но я не разбираю слов, а слушаю и слушаю его голос. И только отчетливое «Приходи» заставляет опомниться.

— Вот это подарок на 8 Марта! — думаю и произношу вслух. Рубцов это слышит и смеется.

Надеваю повос сиреневое жаккардовое платье, обычно связанные в пучок волосы распускаю, и они ложатся локонами на плечи. Бегу к Нине.

Вхожу в комнату. Коля, веселый, улыбочивый, поднимается навстречу. На нем все тот же коричневый пиджак, но зато рубашка легкая, шелковистая, цвета морской волны. И сам он мне кажется весенним. Настроение праздничное. Пьем красное вино. Нина читает стихи...» Любопытные воспоминания. Из женских мемуаров многое можно узнать. Например, как Рубцов был одет...

Заночевал поэт у Старичковой. На следующий день читал какое-то письмо. Наверное, из деревни. А Неля уже ходит по комнате и рассказывает, как потрясли ее стихи Рубцова, когда она впервые прочитала их в «Вологодском комсомольце». То есть, не только столичные литераторы (как Кожин или Чететин), но и провинциальные читатели, еще до выхода «Звезды полей», начали понимать, какой перед ними огромный талант! Но, конечно, подлинную славу и признание Рубцов почувствовал только после издания своей главной, звездной книги.

В начале апреля поэт оказался в Бабаеве. Это городок у железной дороги в Вологодской области. «Звезды полей» у Рубцова еще нет, и он оставляет свой автограф местному журналисту и поэту Вилиору Иванову на газетной странице. Надпись датирована 4-м апреля. Иванов вспоминает: «Рубцов неожиданно появился у меня на квартире. Разумеется, я был рад его приезду...» А накануне «Вологодский комсомолец» опубликовал три стихотворения поэта — «Старая дорога», «В минуты музыки», «В горной долине».

О последнем стихотворении надо сказать особо. Вот его начало:

*Над горной долиной — мерцанье.
Над горной долиной — светло.
Как всяких забот отрицанье,
В долине почило село.
Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны...*

Стихотворение было опубликовано поэтом в прошлом году на Алтае, в мае месяце. Но оказывается, еще раньше, в феврале 1966 года Рубцов опубликовал в белозерской районной газете очень похожее стихотворение. Я разыскал его и обнаружил несколько лет назад. Вот оно:

ПОД СОСНАМИ ЛИПИНА БОРА

*Над Липиным Бором — мерцанье.
Над Липиным Бором — светло.
Как всяких забот отрицанье.
Седое почило село...
Я еду, я еду по свету,
Я знаю, что будет потом:
Россия? Куда ни приеду,
Ты всюду отчизна и дом!*

*Под соснами Липина Бора
Над озером Белым во мгле
Мне нравится вид с косогора
И воздух на этой земле.
И только, когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берез...*

Стихотворение получилось ниже рубцовского уровня. Похоже, что это полуэкспромт. У поэта, видимо, были заготовки для начала и конца стихотворения, а центральные строфы он написал сходу, чтобы дать что-то в районную газету. И начало стихотворения он «привязал» к местности. А в алтайском стихотворении появилась «горная долина», «тюльпаны» и «морской разбойник». Видимо, это тоже экспромт.

Все же была у Рубцова небольшая авантюристическая жилка. Чаще она проявлялась в жизни, но иногда, как видим, и в стихах. Полуэкспромтом можно назвать и одно из «новогодних» стихотворений поэта. Если бы Рубцов захотел, он мог бы «кропать» стихи километрами, но он хорошо видел разницу между стихами сделанными и рожденными, выношенными.

Но вернемся в Бабаево. Это была последняя встреча Рубцова с В. Ивановым. Как всегда поэт оставил стихи для «районки». Восьмого апреля они были опубликованы там — «Шумит Кагунь», «Высокий дуб...» и «Море». Как вспоминает Иванов, Рубцов «воспринимал любую свою публикацию восторженно — даже в самом малотиражном издании».

Одно из стихотворений того времени приведу полностью. Поэт никогда и нигде больше его не публиковал:

МОРЕ

*Морской простор необычаен:
И с ураганною тоской,
И с громом волн, и с криком чаек
Непобедим простор морской!
Куда поплыл, кораблик утлый!
Иль самого себя не жаль?
Недолго ярким перламутром
Играет солнечная даль...
Вот он растет, растет из дыма,
Из грома, ветра и тоски
Девятый вал непобедимый,
И ни души кругом, ни зги.*

*И вот он, сердце леденящий,
Летит на мачты, на тебя,
Громогрохочущий, кипящий,
Все сокрушая и губя!
В большой беде матросы-братья.
Кто их любил? Кто их ласкал?
Вот-вот послышатся проклятья
Матросов, гибнущих у скал.
Сигнал «Спасите наши души!»,
Кто знает, слышит ли земля?
Средь грома волн, вдали от суши
Ужасна гибель корабля...
И все же он необычаен
Не только гибелью, --- и вот
И громом волн, и криком чаек
Он все зовет тебя, зовет,
Зовет на бой, зовет на волю,
Зовет в сто тысяч голосов,
И вот кому-то в тихом поле
Не даст покоя этот зов.
И кто-то смелый, беспокойный
Услышит зов — рванется в путь,
С достойным встретится
достойный —
Вот где она, морская суть...*

Возможно, это тоже полужэкспромт. Сделанный из каких-то более ранних набросков, которые Рубцов никому не читал, не показывал. Но стихотворение интересно попыткой философски осмыслить морскую стихию. Действительно, в этой стихии есть какая-то тайна: почему море так притягивает людей? Моряки знают, что рискуют жизнью, но все равно выходят в море. Поэт говорит, что есть мистический зов моря. Но море зовет не всех, а только самых сильных и смелых.

Похоже, что этим стихотворением Рубцов как бы попрощался с морем, схемой моря. Он и раньше писал о море, но, пожалуй, менее удачно. Кстати сказать, в моем архиве несколько стихотворений с названием «Море». Для сравнения — в хвальной книге, составленной Л. Мелковым в 1999 году (Москва), нет ни одного из этих стихотворений. Сборник назван «Собрание сочинений в одном томе», но там многого недостает. Даже нет почему-то стихотворения «Коза»...

Из Бабаева в Вологду поэт послал Н. Старичковой две телеграммы — 2 и 12 апреля. Телеграммы касались вопроса о деньгах и покупках. Видно, что Рубцов не торопился в Вологду. Жилья у него по-прежнему не было, и ночевал он в областной столице чаще всего у Чулкова, Старичковой, Груздевой, у тети Сони и т.д. Иногда у работника обкома партии В. Невзорова, но, вероятно, чуть позже.

22 апреля в бабаевской газете «Ленинский путь» появились еще два стихотворения Рубцова — «Ворона» и «Медведь». Финал второго немного отличается от общеизвестного и звучит так:

*В берлогу сунулся медведь
И ну реветь.*

Рубцова скорей всего уже не было в Бабаеве, а В. Иванов через пару месяцев опубликовал в своей газете стихотворение, посвященное нашему поэту. Видимо, стихотворение говорит о разлуке с Рубцовым и наполнено оно какими-то недобрыми предчувствиями:

*Не стало в небе ни звезды...
Не стало светлого участия.
Пришло предчувствие беды,
Непоправимого несчастья.
Сплошная темень над ручьем,
Над лугом, где пасутся кони.
Душа тоскует ни о чем,
И отчего-то тихо стонет.
И потому, что одинок,
Я рад прозренью, как совету:
Бежать, бежать, не чуя ног,
Бежать к спасительному свету...*

2 мая Рубцов пишет автобиографию. Может, для вступления в Союз писателей (об этом поговорим позднее), а может, в хлопотах о жилье в Вологде. Из этой автобиографии мы впервые узнаем, что экзамены за 10 классов Рубцов сдал экстерном. Правда, других документальных данных об этом нет.

Около 20 мая поэт уже в Череповце. Побывал в редакции городской газеты «Коммуниста» (см. сообщение газеты) и, возможно, навестил в Череповце свою сестру Галю. 21 мая газета опубликовала стихи Рубцова — «Ночь на родине», «Звезда полей», «Шумит Катунь», «Утро», «Сапоги мои...» Этот год стал годом поездок Рубцова по Вологодской области.

26 мая районная газета «Сокольская правда» публикует стихотворение журналиста Леонида Мелкова, посвященное Рубцову.

28 мая областная газета «Красный Север» поместила хорошую рецензию журналиста Юрия Ратникова на «Звезду полей». Рецензия называется «Чувство родины». Цитирую: «поэзия самой высшей пробы». Как видим, Рубцова понимали и признавали уже тогда, и даже в партийной газете. И позднейшие разговоры о том, что поэта оценили лишь после смерти — это во многом только «модные» разговоры...

В начале июня поэт снова в Москве (помните, он дарит книги Азовскому и Вампилову). Идет сессия в институте?

Когда Рубцов возвращался из Москвы, его, видимо, обокрали на вологодском вокзале. Вот отрывок из мемуаров журналиста и писателя Владимира Степанова: «Познакомился я с Рубцовым летом 1967 года... Зашел к знакомым ребятам в редакцию «Вол. комсомольца», там его и увидел впервые, молодого, остроглазого, но молчаливого и, казалось, очень застенчивого. Большой группой мы пошли обедать в ресторан «Чайка»... За столиком мы оказались рядом. Разговор зашел о только что появившейся на прилавках книге поэта «Звезда полей», скоро принеспей ему широкую известность. Книжка эта уж была у меня в портфеле, но я ее не успел прочесть и оттого слушал других и одновременно с удивлением поглядывал на ее автора, который и в ресторане не снимал с головы помятую соломенную шляпу. Но и шляпа не скрывала, что голова пострижена наголо.

— Что вы на меня так смотрите? Я обычно совсем не такой, — вдруг впервые за весь день обратился он ко мне. Я пожал плечами.

Через некоторое время, когда газетчики разбежались по своим делам и мы шли по городу вдвоем, он рассказал мне историю однодневной давности. Его обманул и обокрал малознакомый человек, которому он почему-то поверил. Рубцов, обнаружив это предательство, естественно, пришел в гневное состояние, бросился догонять этого человека и на бегу врзался в двух милиционеров. Те, не долго думая, взяли его за руки и отвезли в отделение. Пока ждали начальство, пока где-то разбирались в документах, поэта остригли. А через несколько минут, видя, что он не пьян, не буянит, и сообразив, что он ничего не совершил, отпустили...

В тот день он провожал меня на поезд и несколько раз спрашивал, как я отношусь к детям...»

24 июня газета «Сокольская правда» опубликовала заметку о «Звезде полей». Книга все больше расходуется среди читателей страны. Это самая заметная книга, которую выпустил тогда «Советский писатель», хотя в этом же году издательство порадовало читателей поэтическими книжками Твардовского, Шаламова и других известных авторов. Рубцов купил себе немало экземпляров «Звезды».

В ближайшие месяцы он многих из них подарит, но по воспоминаниям А. Сизова я знаю, что целую пачку «Звезды полей» по просьбе Рубцова долгое время хранил у себя Юз Алешковский. Пользуясь случаем, публикую фрагмент текста открытки, которую Алешковский послал поэту (возможно, в 67 году): «Милый Коля! Спасибо за письмо и книжку. Я, конечно же, вышлю тебе твой архив. Сейчас пытаюсь разыскать братца. Он летом на даче. Не бзди, в общем. Стихи передал... То, что

мы болтали и ругались — чепуха. Дьявол всегда по-пьянке попутывает наши незлые души и бросает красный перец в глаза. Я, как всегда, ценю тебя и люблю... Однако, ... дьяволу в сраку. Даже если он сидит под столиком ресторана «Варшава». Приезжай. Будем рады тебе. Передай привет В. Белову. Он свободный человек и счастливый... Пиши. Наведывайся. Привет от Ирины и сына. Твой Юз».

10 июля поэт дарит свою книгу вологодскому учителю Николаю Силкину. То есть, Рубцов снова в Вологде. В это время он часто бывает у Старичковой. Нинель Старичкова пишет в своих воспоминаниях, что поэт «в 1967 году начал писать стихи для детей». Это не совсем верно. Еще летом 1965 года Рубцов опубликовал в тотемской районной газете стихи «Коза», «Медведь», «Леснику».

20 июля 67-го поэт дарит «Звезду полей» молодой поэтессе Н. Груздевой: «Любимой моей и нашей Нине, талантливой, чудесной». 21 и 22 июля он у Старичковой (это в Вологде на ул. Калинина в крепком кирпичном доме). 21-го подарил книжку Старичковой. Веселый, рад, что вышла книга. Вспоминает молодость: «Геологом хотел стать. Есть такая специальность маркшейдер. Это когда ископаемые находят, то он первый определяет жилу, где можно добывать ...А на флоте дальномерщиком был — это еще называют вперед смотрящий. Он всегда первый сообщает, что заметил на горизонте».

(окончание следует)

МУЗЕЙ РУБЦОВА В НИКОЛЬСКОМ

Старинное русское село. В этих местах прошли детство и юность Николая Рубцова, сюда приезжал и подолгу жил взрослый поэт, здесь родилась его дочь Лена. В одном из писем к А. Яшину Рубцов писал: «А ещё потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле.» Многие стихотворные строки посвящены милой сердцу Николе: «Люблю я деревню Николу...», «До слез теперь любимые места...», «Тихая моя родина...».

Не случайно именно здесь в 1990 году был открыт музей Н. М. Рубцова. Музей расположен в бывшем административном здании детского дома, в котором воспитывался будущий поэт. В связи с 60-летием поэта в 1996 г. в музее открыта новая экспозиция, которая работает и сейчас. Экспозиция занимает три зала.

В первом зале нашли отражение наиболее яркие странички из истории Никольского с/с. Это дореволюционное устройство с. Никольского, коллективизация, участие никольчан в военных событиях 20 века. Экспозиция знакомит с известными никольчанами и простыми жителями села.

Второй зал посвящён Никольскому детскому дому. На фотографиях Николай Рубцов в школьные годы, воспитатели и воспитанники детского дома тех лет, учителя Никольской семилетней школы.

Третий зал — зал памяти Николая Рубцова. На стенах крупным шрифтом — стихи Рубцова. Поэзия занимала главное место в жизни Николая Михайловича Рубцова. На чёрном фоне — бюст поэта. Биография поэта в документах и фотографиях. Рубцов на флоте, в годы работы на Кировском заводе, в Литературном институте, в Вологде с друзьями. Отдельно — Н. Рубцов в с. Никольском в 60-е годы. На фотографиях родные для поэта лица: дочь, жена, односельчане. Почтовая открытка Н. Рубцова — дочери Лене. Первые публикации в печати, прижизненные сборники стихов Рубцова. Личные вещи, автографы поэта. Сборник стихов Тютчева, когда-то подаренный Рубцову С. Куняевым. Говорят, с этой книгой Рубцов не расставался никогда. Посмертная слава Рубцова: открытие памятников, создание Рубцовских центров, открытие музеев, выход книг, всё это нашло отражение в экспозиции музея. Здесь вы можете услышать живой голос самого поэта, записанный на магнитофонную плёнку.

В фойе музея в настоящее время работает выставка Детского изобразительного искусства по произведениям Н. Рубцова «Пусть душа останется чистой».

Выставка «Мир Никольской деревни», которая работает на втором этаже, посвящена истории Никольских деревень, мастерам прошлого и мастерам живущим сейчас на никольской земле. Пополнение фондов музея происходит не только благодаря сотрудникам музея, но и благодаря людям, которые долгие годы поддерживают музей. Это в первую очередь Антуфьев А. В. из Петербурга, Переслегина Н. В. и Полётова М. А. из Москвы, Попова В. В. из Череповца, Белков В. С. из Вологды и многие другие.

Музей сотрудничает с рубцовскими центрами Москвы, Петербурга, Вологды, Сургута, Дзержинска. Традиционно в январские дни проходят в музее вечера памяти Рубцова. В январе 2001 г. прошли Рубцовские чтения, на которые съехались люди, занимающиеся изучением жизни и творчества Н. М. Рубцова, из разных уголков нашей страны. Следующие Рубцовские чтения намечены на август 2003 г. Летом 2001 г. на музее была открыта мемориальная доска с барельефом Рубцова. Автор барельефа вологодский художник В. Н. Смирнов. Интерес к поэзии Рубцова растёт с каждым годом. Об этом говорят и выпускаемые в большом количестве сборники стихов поэта, которые не залеживаются на полках магазинов. Открываются новые музеи и центры Рубцова. К сожалению, музей в с. Никольском находится далеко от шумных автострад, добраться до него трудно. Но тем, для кого по-настоящему дороги рубцовские строки, обязательно нужно побывать на его родине. Здесь многое изменилось за 50 лет, но многое осталось тем же: тот же воздух, те же необъятные дали, и та же речка и старый погост. Здесь еще живут те, кто помнит живого Рубцова, не того классика из учебника, каким он стал сейчас, а просто человека, соседа, знакомого, друга.

Приехав сюда в первый раз, вы будете удивляться тому, как вам многое здесь знакомо по стихам Рубцова. И, конечно, в музее всегда рады гостям.

*Заведующая музеем Н. М. Рубцова Мартюкова Г. А.
2002 г.*

Сергей ЛАГЕРЕВ

РУБЦОВ. МОСКВА. ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Прошлым летом решил я съездить в Вологду — город старинный и удивительный. Я там уже бывал, но захотелось снова походить по его тихим, тенистым улочкам, полюбоваться церквушками, насладиться исконным русским духом, что ещё жив там, на Вологодчине, и попробовать понять, откуда же черпал вдохновение замечательный русский поэт Николай Михайлович Рубцов, творчеством которого я занимаюсь.

Ехать надо было через Москву. Самолёт в столицу прибыл в полдень. Было жарко и душно. Как всегда, прилетевших начали осажать шофера — частники, предлагая свою помощь.

Одному, слишком нагловатому, я резко ответил. Он остановился, а я пошёл к стоянке маршрутных такси. Встал в очередь. И тут меня тронули за плечо: «Можно вас?» Я обернулся. Это был молодой, спортивного вида парень. Он пригласил меня отойти в сторонку, я отошёл, ничего не подозревая. И сразу подошли ещё двое.

Они оттеснили меня к какой-то будке и завели «интересный» разговор.

Оказывается, я обидел их друга, а за это придётся заплатить, ни много ни мало — 200 долларов (такса что ли такая!).

От такого напора я опешил. Люди, с которыми летел, уже разъехались, милицию звать было смешно. Они меня не трогали, но держали в кольце, так продолжалось минут 15. В это время, краем глаза, я увидел, как из стоявшего неподалеку джипа вылез мужчина в голубом тренировочном костюме и направился к нам.

Ему было лет 40, высокого роста, сила и мощь — этаким богатырь былинный.

— В чём дело?

— Иваныч, вот обидел нашего, за это надо платить, а он не хочет.

После я понял, что это метод такой. — Одни запугивают свою жертву, а потом подходит этаким добрый дяденька, советует и... люди ловятся.

— Вы знаете, это Москва, — говорил он негромко, доброжелательно и даже с сочувствием, — жизнь пошла такая. Вам лучше заплатить. Они не отстанут, это же бандиты. (Он прямо так и сказал).

— А куда вы едете?

— В Вологду, — ответил я не очень решительно. Он как-то странно на меня посмотрел.

— Живёте там, или в гости?

Я сказал, что еду туда, где жил и похоронен поэт Николай Рубцов.

Зачем так сказал, и сам не знаю.

Следующий его вопрос меня просто поразил:

— И в Тотьме будете, и в Николе? Тоже Рубцовские места! Увидев моё удивление, он заулыбался.

— Люблю Рубцова. Я сам из тех мест. Устюжну знаете? И глубоко вздохнув, добавил:

— Давно дома не был.

Тем, троим, что стояли поодаль, он махнул рукой, и они отошли.

А у нас пошла беседа о Николае Михайловиче Рубцове, о его поэзии.

Он отрекомендовался Виктором Ивановичем. Я назвал себя.

Достал из сумки книжку «Венок Рубцову», которую мы в Сургуте издали к 65-летию поэта.

Он взял её большой, холёной рукой, полистал и попросил на память:

— Подпишите.

Я написал: «Виктору Ивановичу с пожеланием добра и удач!»

Новый знакомый поблагодарил и предложил подвести меня прямо до Ярославского вокзала.

— Нет, нет, я сам, — поспешил я с ответом.

Он только улыбнулся и посоветовал быть осторожнее в дороге.

Он-то знал, что говорил.

И ещё попросил поклониться могиле Николая Михайловича.

Я уехал на Ярославский вокзал.

С билетами повезло, и уже вечером меня встречала Вологда. Пока ехал, настроение было — слов не подобрать. Ругал я нещадно матушку-столицу, что превратилась в то, во что превратилась. (А только ли Москва?) Себя ругал, что, предвкушая будущий отдых, веду себя неосторожно, заговариваю с незнакомыми людьми, что пожелал Виктору Ивановичу добра и удач. В чём добра? В чём удач? В его вымогательствах!

Думал о несправедливости, о Боге, о судьбах человеческих.

Вот два русских человека. Один — неброского вида, небольшого ростика, лысоватый, — своими замечательными стихами прославил не только родную Вологду — но всю Россию!

Другой — красавец! Богатырь! Ему бы воином быть. В Чечне десантом командовать. Флаг страны нести на Олимпиадах. А он потрошит пассажиров в аэропорту. Но, при этом знает и любит стихи Николая Рубцова. И вот пойдёшь, разберись — в чём причина? Что же вообще происходит с нами, с нашими душами, со всей нашей страной? Как мы живём? Что нас ждёт в будущем? Такие мысли неотступно тревожили меня.

Странно устроена жизнь.

А Николай Михайлович Рубцов снова помог мне.

Спасибо ему и поклон.

ПОРТРЕТ

Портрет Николая Михайловича Рубцова, написанный вологодским художником Валентином Малыгиным (ныне покойным) и экспонируемый в вологодской картинной галерее в декабре 1970 — январе 1971 гг. до последнего времени находился в доме Юрия Петровича Рыболова, под Ивановым. Знакомые с биографией Н. М. Рубцова знают это имя. Ю. Рыболов жил и работал под Вологодой в течение шестидесяти лет. Он был хорошо знаком с поэтическим миром Вологды, и когда в городе появился Н. Рубцов, сразу же стал горячим поклонником поэзии Н. Рубцова, да и самого поэта. Временами он даже жил в квартире поэта вместе с ним, на улице Яшина.

После гибели Рубцова Ю. Рыболов купил у В. Малыгина посмертную маску поэта, снятую художником, портрет, о котором идёт речь, а позднее медаль в гипсе, сделанную В. Малыгиным в 1972 г., видимо, как вариант рельефа для памятника на могиле поэта. Сейчас Ю. Рыболов готов передать эти реликвии музею или картинной галерее.

Портрет (холст, масло, 94х72 см) интересен в нескольких отношениях. Во-первых, он, видимо, является единственным живописным портретом, написанным при жизни поэта.

Во-вторых (Л. Дербина, «Воспоминания о Рубцове», 2001 г., стр. 125–126), сам Рубцов видел этот портрет.

В-третьих, портрет необычен. После смерти поэта написано немало живописных и графических работ — портретов Н. Рубцова.

Но они (по крайней мере те, которые я видела, а это работы художников: Воронова, Соколова, Сергеева, Осиева) написаны по фотографиям Рубцова, и настолько буквально, что точно соответствуют каждая определенной известной фотографии поэта.

В. Малыгин, несмотря на то, что хорошо знал Н. Рубцова и мог сделать обычный светский портрет с хорошим банальным сходством, пошел по другому пути. Похоже, он — один из немногих понял, постиг всю глубину, гениальность Рубцова. Портрет, написанный В. Малыгиным — это не портрет в обычном понятии. Это — душа поэта, а именно та часть души (ведь Рубцов был разным: и веселым, и светлогрустным, и самоироничным), где хранится бездонно-глубокое постижение жизни, ее трагичности, сопричастности к тайне, боль и тревога за судьбы мира и России.

Художник избрал стиль близкий к иконописному, чем еще выше поднял образ поэта.

И тем не менее, на пологие образы Н. Рубцова очевиден.

Основываясь на собственном опыте и опыте других, имеющих возможность длительно созерцать портрет, могу сказать, что первый взгляд на него вызывает растерянность и даже чувство неприятия, потому что ты настроен увидеть совсем другое. Но очень скоро это чувство уходит, и портрет начинает притягивать взгляд,

открывая все новые и новые качества. И чем дольше смотришь на портрет, тем он все властнее овладевает тобой.

Глаза с портрета смотрят прямо в твою душу, заставляя погружаться в глубокие размышления, забывать о всем суетном и сиюминутном. Начинаешь понимать, что пейзаж, который при первом взгляде кажется странным (золотистые холмы, не очень то соответствующие северной природе), это символические горки иконы, духовные вершины, зовущие к духовному восхождению, а церковь далеко вверх — идеал совершенствования души. И уж не замечаешь условно жесткого очертания фигуры, благодаря этому поэт как бы выступает из плоскости холста, становясь ближе к нам.

Одним словом, как всякое состоявшееся произведение искусства, портрет вызывает массу ассоциаций и догадок и, как стих Рубцова, воспринимается каждым в какой-то степени по-своему.

Замечу, что портрет многое теряет в фотографическом изображении. Может быть, поэтому, те, кто видит только фото портрета, не могут оценить его по достоинству. Но, наверное, кое-кто останется к нему равнодушным, как остаются некоторые равнодушными и к поэзии Рубцова.

В. Малыгин не был выдающимся художником. Может быть, и есть в портрете живописные несовершенства.

Например, удивляет живописное решение шеи. Оно близко к иконописному, но не совсем. Подумать, что художник не знал строения шеи, по-видимому, нельзя, так как в скульптурных изображениях оно анатомически верно. Тогда что же? Неужели предвидение? Ведь портрет написан незадолго до гибели поэта; через десять дней после того, как Рубцов смотрел на него, поэт погибнет и шея его будет истерзана! Но скорее всего — это домысел.

Портрет, ценный во многих отношениях, заслуживает быть в картинной галерее.

К большому сожалению, Юрий Петрович Рыболовов очень болен, ему нужна материальная помощь. Необходимо компенсировать передачу им картины, а также посмертной маски и медали музею и галерее.

Вологодская община в Москве согласна содействовать этому. Но время идет, а конкретных шагов пока нет.

Может быть, в Вологде откликнутся состоятельные деловые люди, патриоты города? Ведь речь идет об относительно небольшой сумме — 500–1000 долл.

P.S. Кроме упомянутых предметов Юрий Рыболовов передал ряд очень ценных материалов: две записки Н. Рубцова Ю. Рыболовову, 4 автографа стихов, несколько вырезок из вологодских газет того времени со статьями о Рубцове, две магнитофонные ленты с голосом Рубцова. Эти материалы будут переданы музею Н. Рубцова в Николе.

*Наира Вартановна Переслгина
Москва*

Владислав КОКОРИН

Рубцова у читателей... воруют,
Загнавшие его в кладбищенский приют.
Они всю жизнь талантами торгуют,
Теперь вот и Рубцова продают.

И шустрый шоумен, и пошлая певичка,
Эстрадно-инородные дельцы,
Они по сцене скачут по привычке.
Что им Рубцов? Платили бы «бабцы»!

Заплатят больше — станут петь псалмы
В заморской «туристической» палатке.
С них, вертопрахов, нынче взятки гладки.
А что же мы? Что замолчали мы?!

Он наш, Рубцов! И каждому из нас
Достались в жизни родственные муки,
(Не по законам рыночной науки
Под вездесущей лейблой «адидас»).

Твердили мы везде, всегда и всем,
Не признавая «интересов узких»,
Что сказанное «не совсем по-русски»
Как раз и есть нерусское совсем!

Так будь же гордым, русский человек!
Тебе дано вселенское призванье:
Родное слово сохранить навек
И защитить его от поруганья!

Он говорил: вопрос совсем не в том,
Что мы уйдем из жизни быстротечной.
Но что-то в ней останется навечно.
Вот для того, наверно, и живем.

г. Вологда

Георгий ПОПОВ

Один из лучших наших художников. Живописец и график. Участник многих выставок, многие его картины находятся в зарубежных собраниях, Давно пишет стихи, выпустил несколько сборников стихов и прозы. Живет в Вологде.

Закат погас. И теплый вечер
на смену дню идет...
Чуть-чуть колышет слабый ветер
листву берез. И уж ползет
туман от речки, застилая
кусты прибрежные, приречные луга,
от глаз нескромных то скрывая,
как река ласкает берега.
По небу месяц молодой
от тучки к тучке проплывает...
Там, за туманом, за рекой,
порою огонек мерцает.
Зовет он путника к себе:
зайди, погрейся... Отдохни
от трудовых забот и бед
и под моим крылом усни...
Но не идет никто. Покой
И тишина кругом. Чуть слышно
Журчит ручей в тени лесной.
Дымок костра султаном пышным
Висит над лугом. Тишину
Нет-нет да нарушает конь ржань...
А я смотрю на бледную луну
И на далеких звезд мерцанье...

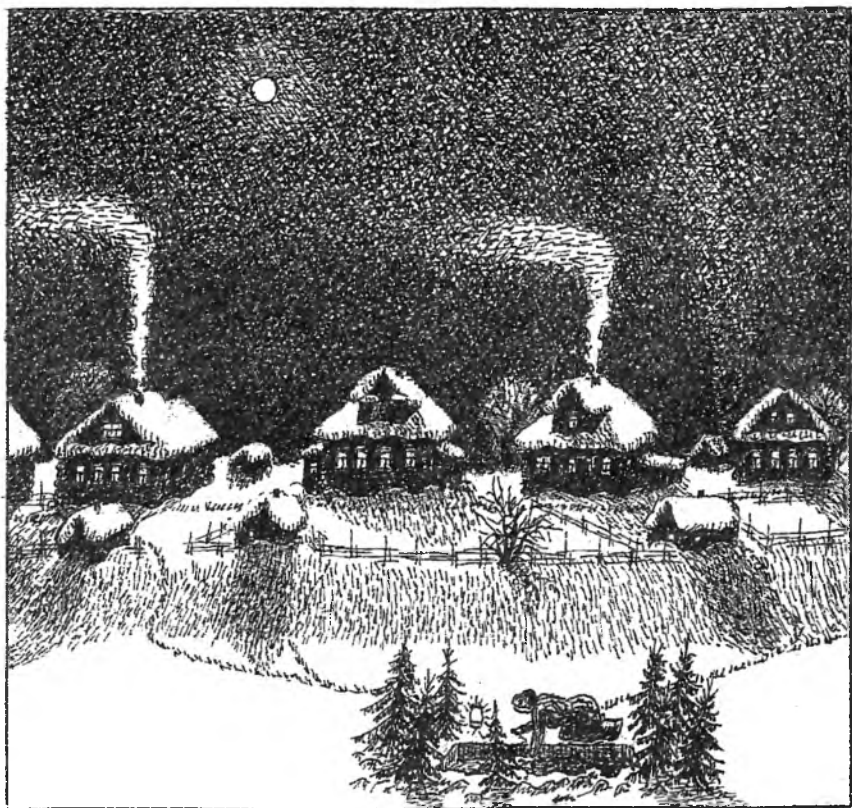
«Зрелый уголь выстрекнул
из печи — надо непременно
ждать гостей!»

Г. П.

Один в пустом холодном доме
на берегу большой реки...
Мне одиночество знакомо,
и нет ни скуки, ни тоски.
Но ветер севера студень
унес последнее тепло...
Нет у меня моей матрены —
с ней наше время истекло...
Да сам с усам! И дров берем
сложил в столетней кладки печь.
Она тепло в шальное время
дарить умеет и беречь...
И вот, березовой корою
рожденный рано поутру,
заговорил тепло со мною
огонь — единственный мой друг!

Пиши мне почаще в деревню,
где Сухоны плавный изгиб
светло отражает деревья
и лики задумчивых изб.

Там Толшма течет из Николы,
где грустные песни Рубцов,
судьбе по-крестьянски покорный,
слагал, просветлевши лицом.

И вспомни, как добро и мило
нас принял сей благостный край,
где бережно мы полюбили
друг друга... И мир этот — рай!..

МУЖИКИ

Три мужика который год
Лениво чинят огород.

Сидят, дымят, гундят душевно:
«Вина б поболее, да подешевле».

Глупа им живопись Попова,
Смешна поэзия Рубцова...

Их продадут. И скоро. Этим годом.
Вместе с их деревней, с огородом.

Они и не заметят в пьяной дрёме,
Как очутились в быдловом ярёме...

Сидят, дымят, гундят душевно:
«Вина б поболее, да подешевле».

НА ПРОРУБИ

(К одноименной картине)

Космический холод окутал планету.
Безжизненный лес и людское жильё...
Под бисером звезд, мешковатого одета,
на проруби баба полощет белье.

Коленки ей лед обжигаяще студит,
лицо ей колючий мороз леденит;
остыли под блузой тяжелые груди,
рука онемела не меньше ланит...

Но мудрое тело не сетует горько:
тем радостней будет печное тепло,
тем счастье острее, когда весело Борька
облапит в постели, хоть плут
и трепло...

Картошечка в «мундире»,
соленые грибки...
В моем бюджете дыры.
Мы нищи и робки.
Вместо чая — чага.
Хлеб — в неделю раз.
Где русская отвага?..
Для глупого рассказ...
В присухонской долине
без прихотей живет
покорный, как скотина,
униженный народ.
Послушно вымирая
мужик твердит одно:
«Зарплата бы такая —
хватало б на вино!..»
Картошечка в «мундире»,
соленые грибы...
У нас в бюджете дыры.
Эх, кабы да кабы!..

Безрадостно живу среди людей...
Но надо ль уважать работодателя?
Но стоит ли любить отчаянных блядей
И называть иван иванычем мерзавца?..
С продажным журналистом водку пить
и в сауне иметь одну и ту же стерву?..
С «гориллистым» омовцем
дружить?..

Ты просыпаешься словно в раю.
Ты как Адам (но без Евы),
Ещё не познавший греховность свою,
Не испытывавший Господнего гнева.

Ты как младенец, готовый открыть
Ротик свой для пророчества.
И только комар не даёт ощутить
Божественность одиночества.

На Руси, если вы не обвенчаны,
Брак считается вроде греховный.
Но рожают безгрешно все женщины,
Руководствуясь долгом верховным.

Жизнь людская престранная штука.
У неё получается всяко.
Вот качаем мы ласково внука,
Принесённого дочкой вне брака.

О грехе мы тотчас позабыли.
И в младенце мы зрим человека.

И его всей душой полюбили,
Словно так и должно быть от века.

Сколько в жизни дорог и тропинок!
На обочинах столько цветов,
Столько разных изящных былин —
Выбирай — и букет твой готов!

Но казалось, что за поворотом
Повстречаются лучше цветы.
И беспечным Жуаном и мотом
Шёл цветущей дорогою ты.

Только вот не учёл, что дорога
От цветущих лугов отошла,
На закат повернула немного
И в осеннюю рощу вошла.

На обочинах лишь сухостой.
А колечки цепляются сами.
Эй, прохожий! Бери нас с собой!
Твой букет завершится нами.

МНЕНИЯ

В алтайском городе Бийске вышел первый номер литературной газеты «Парус», вытущенной силами участников одноименного литературного объединения. На этом бийские литераторы не остановились. На днях увидел свет и первый номер другой литературной газеты, полностью поэтической - «Автограф». Не дожидаясь милостей от столичных редакторов, алтайцы сами взялись прокладывать путь на Олимп.

«ЛГ»

РОССИЯ БЫЛА ПРЕДМЕТОМ ЕГО ЗАНЯТИЙ

Он начинал, да кое в чем и продолжал как литературовед и закончил как литератор в том очевидно обширном смысле, который некогда придавали этому слову (например, Ленин именно так определял свою «профессию»), где литератор — писатель и политик, публицист и историк, экономист и философ...

Было, однако, нечто (тема? образ? идея?), вызвавшее все эти направления мысли в один узел и определившее суть и общее значение деятельности Вадима Кожинова. Потому-то столь многие буквально всплеснули руками в смнении и тоске, когда его не стало. Без этого «нечто» не реализовались бы обязательные предварительные условия и послыжки: замечательная образованность, глубокий ум, выдающаяся память, наконец, редкое поэтическое чувство, то выводившее общество на Николая Рубцова и Юрия Кузнецова, то пресекавшее иные литературные моды подчас чуть ли не преждевременно.

Сам он придавал особое значение своей книге о Тютчеве, может быть, даже и преувеличенно, но не случайно. Явно потому, что именно Тютчев с его знанием и пониманием России, углубленное погружение в тютчевский мир — отнюдь не только поэтический, — можно сказать, обращали Кожинова к самому себе. Россия — вот что стало темой, образом и идеей — главным предметом его занятий, которому служило и историческое исследование, и анализ демографической статистики, и экономические наблюдения, и трезвые оценки литературных процессов. Все это предстало в потоком рванувшихся — как прорвало — книгах, статьях, выступлениях, беседах...

Видимо, эта главная идея определила и невероятную работоспособность, и фанатическое чувство исторической ответственности, и могучее волевое усилие, подавлявшее многие страсти и иные, подчас болезненные пристрастия. Он действительно стопроцентно и беспощадно себя реализовывал в отведенном ему судьбой куске нашей истории. И еще: всегда о ком-то хлопотал, кому-то помогал, кого-то защищал. Он был подлинным и редким типом общественного деятеля, лишённого любой групповой, партийной или клановой ангажированности, а потому снискал хвалу и хулу в прошлом и в настоящем, слева и справа, сверху и снизу. При этом вся его громадная работа казалась такой естественной и органичной, выглядела столь безуспешной, что вроде бы в признаниях и увенчаниях не нуждалась. Да и о скромных гонорарах вспоминалось не в первую очередь. В общем, не академик, не герой. Он действительно был вне этого. «Вадим, — спросил я его однажды, — ну почему тебе не защитить хоть докторскую? Все же звание, кое-какие не лишние деньжонки». Ответ: «Да, но ведь на это уйдет не меньше двух недель».

Потому и не стоит сетовать, что-де в свое время не оценили, не сделали доктором, лауреатом и т.п. А вот чего ему и впрямь недодали, так это внимания и доброго слова: как он им дорожил, как им смущался, как ему радовался — не мог же он по уму своему не знать себе цену. Ну да дело известное. Еще Николай Страхов, патриот и русофил, с горечью отметил недоброжелательность как чуть ли не вечную нашу национальную особенность.

Николай Скотов
«ЛГ»

ГЛАВНЫЙ ЗНАТОК РУБЦОВА

Сегодня литературоведческие работы нужны только узким специалистам, однако Вячеслав Белков ещё успел застать то время, когда литературой и критикой интересовалось всё общество. Его книжку 1989 года «Неодинокая звезда» можно было увидеть и купить в бесчисленных газетных киосках больших и малых городов Советского Союза. Имя Белкова и сейчас знакомо не только профессионалам, но и простым и искренним любителям русской лирики.

Всегда будут стоять на библиотечных полках и самые авторитетные на сегодняшний день библиографические рубцовские справочники, вышедшие в Вологде и Санкт-Петербурге под строгим контролем и любовной опекой юбиляра.

Много лет В. Белков редактировал газету «В мире Рубцова», сотрудничал как критик в «Вологодском комсомольце» и «Русском огоньке». Он и сейчас печатается в центральных и региональных «толстых» журналах, местных газетах, издаёт в Вологде поэтический журнал «Автограф». А еще он краевед, автор ряда статей об истории родного города, истории вологодской поэзии и прозы.

Далеко за пределами Вологодчины знают В. Белкова и как организатора первого в стране Рубцовского центра. При его непосредственном участии подобные творческие содружества были созданы в Москве, Питере, Дзержинске и других городах России и СНГ (кстати, спешу обрадовать всех: 1 сентября в Москве на общественных началах открылся ещё один музей Николая Рубцова).

По сути дела, то, чему посвятил свою жизнь Вячеслав Белков, называется практическим источниковедением — основой основ подлинного литературоведения. Сегодня невозможно представить ни одного обзора истории литературы XX века, где бы в разделе о Н. Рубцове не упоминались бы книги вологодского критика. Его труды по праву вошли в соответствующие разделы двух солиднейших энциклопедических изданий — «Русские писатели XX века», 1998 и 2000 годов.

15 сентября В. С. Белкову, лауреату Всероссийской премии «Звезда полей» имени Н. Рубцова, исполняется 50 лет. Только пятьдесят. Время мудрости, время главных выводов и обобщений.

Виктор БАРАКОВ, доктор филологических наук

ШОУМЕН НЕ МОЖЕТ БЫТЬ МИНИСТРОМ КУЛЬТУРЫ

Наша Россия — несчастная страна. 70 лет мы мучились дураками. Дураками-убийцами, дураками-марксистами-ленинцами и даже дураками, которые «другим жить давали». Но все равно мы страдали от дураков. Дураков в нашей жизни было очень много — на экранах телевизоров, в бесконечных кабинетах и просто в жизни. И казалось, что за отведенное нам Богом время пребывания на земле этот кошмар никогда не кончится. И жить было тошно.

Но случилось чудо. И вдруг в один день как по мановению волшебной палочки все дураки куда-то исчезли, рассеялись во Вселенной. И везде, особенно на экранах телевизоров, появились сразу много внешне очень умных, очень образованных и очень складно говорящих людей.

Но очень скоро выяснилось, что мы все равно несчастная страна. Мы-то, наивные, надеялись, что умный человек на то и умный, чтобы сеять доброе и вечное. Но ничего подобного. Наш российский ум имеет какое-то дьявольское назначение. Чем энергичнее и смысленнее были те, кто пришел на смену дуракам, и прежде всего в политике, тем они за редким исключением циничнее. Россия дураков сменилась Россией циников. И цинизм этот проявляется прежде всего в нарочитом пренебрежении чужой жизнью, нарочитом пренебрежении к морали, нарочитом равнодушии к беде не только одной личности, но и целого народа, целой страны.

То, что возможно у нас, в другой, нормальной европейской, азиатской, африканской стране недопустимо. Вы можете себе представить, что где-нибудь в Германии, во Франции, я уж не говорю о католической Польше, министр культуры с экрана телевидения на всю страну утверждал, что детская беспризорность — это неизбежная плата за свободу и в этом смысле норма нашей новой русской жизни.

Министр культуры Российской Федерации на телеканале «Культура» в своей передаче убежденно и страстно доказывал, что ребенок имеет право на беспризорность, имеет право выбирать между семьей и улицей. Более того, он доказывал, что так как беспризорность — это частное дело, следствие свободы выбора, то она не имеет никакого отношения к государству. Наш министр культуры полагает, что наше Российское государство не несет никакой ответственности за детскую беспризорность и что сами граждане, если захотят, должны заботиться ее устранением.

Михаил Швыдкой даже нашел какого-то очень странного детского писателя, похожего на хиппи, который благостно рассказывал, как его знакомый, десятилетний беспризорник, не нарадуется радостям своей босяцкой жизни. И в это время на лице нашего министра культуры сияла благодатная улыбка.

Правда, выяснилось, что наш министр культуры не знает или не хочет знать, что в наиболее свободных и демократических странах Европы, это относится и к азиатской Японии, вообще нет детской беспризорности. И что это достигается прежде всего за счет развитой государственной опеки над неблагополучными семьями.

Сначала, честно говоря, я подумал, что Михаил Швыдкой просто вошел во вкус положения телеведущего и только играет роль адвоката дьявола. Думал, что вынесенный в титры передачи лозунг «Беспризорность — это плата за свободу» нужен для провоцирования дискуссии. Но ничего подобного. Чем я дольше слушал нашего министра культуры, тем больше убеждался, что он является не адвокатом дьявола, а им самим. Он со всей своей страстью убеждал нас, зрителей, не возмущаться детской беспризорностью, а видеть в ней норму в свободной демократической жизни.

Совсем растерявшиеся оппоненты как-то сбивчиво говорили, что беспризорность — это следствие распада семьи, следствие нищеты. Что беспризорность — это катастрофа, больные дети, туберкулез, сифилис, СПИД. Что это — детская проституция. В конце концов, детская беспризорность — это самый главный резерв криминального мира. Из миллиона нынешних беспризорников вырастут сотни тысяч самых жестоких грабителей и убийц. Разве наш министр культуры не знает, что зачастую самые жестокие убийства у нас в стране совершают беспризорники в возрасте 10–12 лет, с которыми общаются наши сладко улыбающиеся детские писатели?

Андрей Цинко
«ЛГ»

Ольга ЧЕРНОРИЦКАЯ

ПОТОМКИ «МЕТРОПОЛЯ»

Увидев первый номер «Соло», Андрей Битов обрадовался материализации своей давней идеи и примкнул к команде а, скорее всего, к замыслу редактора Александра Михайлова. Идея самиздатовских сборников первоначально родилась еще в Ленинграде. Битов рассказывает об этом так: «В 1956–1964-ом мы еще собирали сборники. Тот или иной «Петрополь» ходил по рукам, а потом в руках же и рассыпался. Раз в год в «Советском писателе» с муками издавался альманах «Молодой Ленинград», но не приносил нам мировой и даже всесоюзной славы... С 1964-го по 1991-ый, когда мы перестали собирать рукописные сборники, меня время от времени подмывало все-таки его собрать. Представительный! На память о НАС! В 1973-ем, с образованием ВААП, я даже явился с предложением его издать «на заграницу». Меня недопоняли. Сил моих не было. В 1979 году намерение это было перебито «Метрополем» (и опять почти без ленинградцев)»¹.

Спустя десятилетие после процесса — «страшного» 1979 года — было уже не страшно. Потому что ничего уже невозможно было поделать с волной самиздата, нахлынувшей с периферии под видом невинной местечковости. «СОЛО — потомок «Метрополя», — заявляет автор «Пушкинского дома» рекламной строкой на обложке № 8, добавляя, «единственный». Тем не менее, в это время уже существуют в самиздате «День за днем», «ЛЕА», «Меркурий», «Митин журнал», «Обводный канал», «Петербург», «Поединок», «Предлог», «Третья модернизация», «Точка зрения», «Часы», «Экспресс-Хроника», «Важская волость» и многие другие, тоже «полностью посвященные неизвестным авторам».

Принцип неизвестности и «первой брачной ночи» — сохранился до сих пор — как только автор начинает обрести свое собственное лицо, он бежит от прародительницы в другие, более престижные издания. Такого рода «предательство» неумышленно и совершается интуитивно во имя сохранения в неприкосновенности чистоты самиздатовской культуры — признанный автор поневоле становится ангажированным — а это уже иная поэтика, отличная от самиздата.

Такой же угрозой стал для Сорокина «Митин журнал». Для В. Ерофеева и начинающих диссидентов — «Метрополь». Тем не менее, каждое самиздатовское издание имеет свое лицо и свой ограниченный круг авторов. Они конкурируют друг с другом и протестуют против

¹ Битов А. Светлый подвал // Соло-6. — 1991. — С.5–6.

каких-либо сравнений одного с другим. Но их сравнивают, вызывая недоумение авторов проектов. Такое же недоумение было у Камю и Сартра, когда их начали сравнивать и печатать вместе. Они видели себя столь разными...

У Александра Михайлова сравнение с «Метрополем» до сих пор вызывает определенно-го рода сомнения — его, Михайловская, акция не политическая, а эстетическая. У него «нет произведений, претендующих на глобальное значение и всенародное признание, нет также публицистических стенаний и полемик. Перед вами проза и поэзия для гурманов, для тех, кто ловит «кайф» от самих слов в тексте, от того порядка, в котором они расставлены, от «игры автора с этими словами»².

Разумеется, Михайлов не может не признать очевидного: и «Соло», и «Метрополь» выстроили в художественный ряд то, что официальной прессой отбрасывалось как нехудожественное. Он составил свой журнал из «непроходняка», который скопился за время его «сидения» в толстых журналах.

В том же, что издание «Метрополя» было в своей идее акцией всецело политической, у нас есть, несмотря на опасения Михайлова и заверения Ерофеева, определенные сомнения. Тот факт, что Битов не побоялся выдвинуть предложение издать сборник «на границу» еще в начале 70-х, говорит о многом. Прежде всего становится ясно, что Виктор Ерофеев взял уже практически готовую идею, носящуюся в воздухе; быть не может, чтобы идея нивных, обиженных на Москву петербуржцев не перенеслась в круги столичных литераторов. Во вторых, ясно, что бояться политических репрессий никому просто не приходило в голову — вопрос стоял несколько иначе: «Их печатали, нас не печатали»³. Почему? Чем Вознесенский, Евтушенко и Аксенов лучше прочих диссидентов? Мы где-то даже круче и загибистей. Почему им можно говорить все, что они думают, а нам нельзя? Несправедливо! Скорее всего, Ерофеев решил объединиться с Аксеновым, чтобы войти в круг официальных диссидентов. Вырваться из своего тотального андеграундства по-другому не представлялось возможным.

В текстах «Метрополя» политика как таковая отсутствует, да и сами объединившиеся в альманах не могли даже представить себе, чем все это обернется. Процесс над «метропольцами» был, конечно, политическим — что тут говорить, но вот в чем вопрос — политических ли умыслов испугались Феликс Кузнецов, Владимир Гусев и Римма Казакова? Политические ли соображения заставили их возмущаться? Политический строй уже давно сменился, но и сегодня Владимир Гусев, например, готов подписаться под каждым словом своей давней отповеди «Метрополю» вообще и Виктору Ерофееву в частности. Ясно, что не при чем тут и пресловутый якобы пугающий всех Запад.

Что же почувствовали все, увидев в одной обложке доселе разрозненных, но уже известных писателей? И что чувствуют те, кто видел еще лет десять тому назад в самиздате угрозу?

Разгадку можно увидеть в рассуждениях (опять же касающихся «Соло») Андрея Битова: «Переработка действительности в чистое и широкое полотно, как у Толстого, наверное, уже позади. Видимо, роль литературы меняется: в России она еще сохранилась в старом виде, а на Западе ее уже (в таком качестве) не существует. Там значительно больше разработаны жанры и игра. Может быть, новое поколение занимается обработкой «дикой» русской литературы, чем начал заниматься еще серебряный век, завершавший собой «дикий» период и начавший переход к периоду «цивилизированному»⁴.

² Михайлов А. От редактора // Соло-3. — 1991. — С. 5.

³ Битов А. Светлый подвал // Соло-6. — 1991. — С. 5.

⁴ Битов А. От «солиста» шестидесятых // Соло-4. — 1991. — С. 8.

Весь смысл цивилизации не в том, чтобы противопоставить себя культуре, а в том, чтобы перестать бояться ее культов и табу — на этом строит свою эстетику «Соло» и «МЖ». Но суть действий потомков «Метрополя» этим не ограничивается — идет борьба с ее прагматической заданностью, ее мифами, объясняющими и мотивирующими мир.

То, что все в мире для чего-то служит и приносит какую-то пользу — необходимая аксиома культуротворческого мифа. Вот, в частности, рассуждения Александра Шарыпова, — выходца из устюгской земли: «Намеки на то, что в наших рассуждениях нет чего-то существенного и необходимого для самой последней бабы (как, например, соль), могут иметь своим корнем только одно: невежество, признающее единственно необходимой сущностью нечто зримое и доходящее, как писал М. Ломоносов «до отрицания существования воздуха в порах соли», поскольку воздух с трудом видим, а норы малы — отсюда один шаг до отрицания воздуха вообще, — естественно, что в таких условиях совершенно бессмысленно адресовать рассуждение об истинно незримых сущностях кому бы то ни было, кроме студентов 1–4 курсов, среди которых единственно я предполагаю найти действительно умных женщин»⁵. В дальнейшем именно на принципе женско-студенческого мировосприятия и в русле повествовательной символики совместного с А. Сидоровой эпистолярного романа Шарыпов строит собственный авторский проект — журнал «Стропила»⁶. «Стропила» как бы отпочковались от «Соло», обретя собственную эстетику. В этом проекте — поэзия неиспорченных мужской грубой поэзией девочек-подростков как высшее проявление постмодерна, рассказы и повести художника по надгробьям Михаила Горбачева.

Учитывая опыт предшественников, «художники принялись искать себе подобных, себе сообщников»⁷. Стало ясно: все формы стеба можно цивилизованно организовать и — в общей обойме собратьев по разуму — предстать перед публикой. При этом по законам детерминизма «все втянуто в одну контекстуальную воронку и читается с одинаковым интересом, от первой страницы до последней»⁸.

Сколько бы редакторы изданий не декларировали раскрепощение творческого «я» художника, сколько бы ни говорили об индивидуальности каждого творца⁹, в журнальной эстетике — и это тем более касается авторских проектов — зияет эта пресловутая воронка и царствует констатируемая Т. Элнотом дисперсонализация. Она в самиздатском контексте «поиска новых имен» обретает новые возможности, — автор неизвестен, неиндивидуализирован, следовательно удобен для использования в угоду общей идее журнала. Издание как единое целое всецело должно быть подчинено редактору. Официальная советская пресса не знала угрозы индивидуализации и существовала в относительной безопасности и стабильности (безопасными были и вполне «раскрученные», распропагандированные имена). За деиндивидуализацию авторского состава головой отвечали творческие союзы. Редактор самиздатского журнала находится в совершенно иных социокультурных условиях — он не может не считаться с

⁵ Шарыпов А. «О движении...» // Соло-14. — 1994. — С. 92–93.

⁶ М.; Владимир. Вышло только два номера. Задумка не до конца реализована в связи со смертью автора.

⁷ Левнин А. Рассказ имени Саши Соколова // Митин журнал. — №25. — 1989.

⁸ Урицкий А. // Независимая газета. — 1996. — апр.

⁹ Александр Михайлов, в частности, задумал «Соло» как «независимость издания», и как «уникальность публикации авторов-солистов» (реклама на обложке №17), что подразумевает отнюдь не индивидуальность авторского голоса, а индивидуальность голоса издательского.

тем, что иные «солисты» обладают мощными голосами, способными изменить лицо издания — чего редактор, естественно, допустить не может. Эти основные голоса он обставляет голосами тихими — элемент утешения, заглушает нестройными, замещает рядом похожими, но пародирующими. И все равно выстраивает издание так, чтобы оно имело свое лицо, а не превращалось в физиономию того или иного автора. «Соло» мог бы вполне стать битовским журналом — таким филиалом «Пушкинского дома», — поэтому Михайлов сразу же после появления писателя в «редакционной коллегии» (было чего испугаться) сменил курс, позволявший соединить в рамках одного номера Сашу Соколова с владимирским почтальоном Анатолием Гавриловым¹⁰, и выдвинул лозунг — «печатаю только дебютантов».

Хотя, конечно же, существуют неплохие издания, лицо которых определяется эстетическим обликом того или иного писателя. Так, например, в журнале «Автограф» (Вологда) реализуется староклассическая формула, согласно которой за изменения в формах той или иной эпохи отвечает один вполне конкретный человек. Редактор журнала — писатель Вячеслав Белков организующим центром издания сделал Николая Рубцова — своего кумира, личность, вокруг которой создан на вологодчине определенный эстетический уклад. Лицо журнала таким образом было определено — осталось лишь отсортировать все, что никогда и ни при каких обстоятельствах не мог бы написать (ну, пусть одобрить) Рубцов. От его основных принципов «лиризм, естественность, звучность»¹¹ не отступают ни одна публикация, что и придает изданию монолитность — оно похоже на каменный обелиск поэту, выполненный в монументальном стиле 70-х (не позднее) годов. Поэзия Рубцова здесь играет роль метатекста, или, в других терминах, устойчивого означаемого при бесконечном множестве означающих.

До недавнего времени существовало издание, в котором метатекст практически совпадал с текстом. Этот случай, несомненно, заслуживает того, чтобы быть занесенным в историю самиздата. В предперестроечную эпоху образовался в столице лесоповала г. Вельске журнал «Важская волость» во имя и ради текстов одного единственного автора — оставшегося по месту своей ссылки ленинградца Ричарда Красновского. Там печатались его стихи, воспоминания о том, как он встречался здесь с Бродским¹², коротавшим ссылку в соседней Коноше, публицистические заметки на тему дня опять его же. Редактор издания Александр Чесноков объясняет ситуацию тем, что больше в бывшей Важской волости печатать некого. Означаемое и означающее совпали. Тем не менее это был именно журнал. После смерти Ричарда Красновского тем же Чесноковым была издана книга поэта-отшельника, но она почему-то не разошлась, во всяком случае успеха, сравнимого с успехом «Важской волости», не имела.

Александр Михайлов не относится к числу известных поэтов, у него нет собственной поэтики, на которой можно было бы построить издание, но у него есть чутье и литературный вкус, которому он привык доверять. Угождая не «себе подобным», а исключительно собствен-

¹⁰ В «Соло-1» подборка начиналась А. Гавриловым, а заканчивалась «Палисандрией» С. Соколова.

¹¹ Белков В. «Мы поймем друг друга»: Белов, Рубцов и другие // Автограф — №9. — 2000. — С.9.

¹² На вопросы журналистов, доводилось ли ему в ссылке вести с кем-нибудь беседы о литературе, Бродский отвечал отрицательно. Александр Чесноков склоняется к выводу, что факт встречи, возможно, имел место быть, но Ричард был в то время не настолько зред, чтобы Бродский мог воспринять его как серьезного собеседника.

ному вкусу, свою «редакционную коллегию» он всегда держал в черном теле, не давая ни малейшего повода к замещению или сопросектированию. Список членов редколлегии — это тоже постмодернистская штучка, нереальная в самиздате: кто ж не знает, что Михайлов сам всегда выбирал то, что будет печатать. Не исключение и битовский Солю-6, посвященный шестидесятиникам.

Не важно, что главное, как, чем обставлено, все эти ритуалы, вся эта признанная непризнанность и откровенное нежелание становиться номсром в каталоге «Роспечатать». (Хотя разве есть что-нибудь такое, что могло бы воспрепятствовать?) Может быть, потому что сие действие потомков «Метрополя» автоматически переведет в разряд официальной прессы (спаси и сохрани, уж лучше в Интернет) и — не дай бог, может повлечь за собой в отдаленном будущем смену редактора. Прямых наследников самиздат не выносит.

Примечание: Во-первых, мы ни в коем случае не ощущаем себя наследниками «Метрополя». издания одноразового и некрасивого. Думаю, что и другие журналы себя таковыми не считают. И второе. Ольга Черноричская читала далеко не все номера «Автографа». Иначе она бы заметила необычную прозу, например, В. Смирнова, Н. Усанова. В. Белякова, стихи и прозу А. Дубинина и некоторых др. авторов. Но бред в стихах и прозе мы печатать не будем. Публикуем все, кроме мата и зауми.

А вообще, у Ольги Черноричской теория красивая, интересная, в чем-то справедливая... Кумиры же мои — и Блок, и Есенин, и Рубцов, и Рильке... Наверное, не плохие кумиры.

Вячеслав Белков

МНЕНИЯ

Мим

Марсель МАРСО (Франция)

«Какой же у вас тут, в Москве, отзывчивый зритель! Просто не хочется уходить со сцены...»

Пианист

Ван КЛИБЕРН (США)

«Я горжусь, что именно Москва воздала мне должное! Ведь Москва - столица мирового музыкального искусства».

Актриса

Беата ТЫШКЕВИЧ (Польша)

«Если хоть раз побывал в Москве, забыть её невозможно... а тем более человеку искусства, для него она, Москва, - ХРАМ».

Актриса

Анна МАНЬЯНИ (Италия)

«Аплодирую вашему зрителю-москвичу! Такого нигде не встретишь».

Писатель, кинорежиссёр, актёр

Василий ШУКШИН

«Москва... спасает... обилием друзей!»

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Георгий Попов «Земля — это приют злодеев». Вологда, 2002. Стихи и рисунки известного вологодского художника.

Владимир Корбаков «Без картинок» (стихи для двоих), Вологда, 2002. Книга первых стихов Народного художника России, вологжанина.

Елена Саблина «Нежная крапива». Вологда. 2002. Поэтесса Е. Саблина давно известна вологжанам, но это первая ее книга. Читается на одном дыхании.

Л. Гуголева «Ангел-Огонь». мини-альбом, Череповец, 2002. Графические работы — пастель и цветной карандаш. Редактор — А. Русанов.

«Автограф» № 21. литературно-художественный журнал. Стихи А. Пошехонова, А. Климова, Н. Бушпева, Ю. Максина, Т. Лавтаковой и др. Воспоминания о Рубцове, заметки В. Белкова. Проза В. Елесина и Д. Ермакова. Графика.

Сергей Созин «Ночная беседа». стихи, Вологда. 2002. Небольшая книжка череповецкого автора. Художник — Эдуард Фролов.

Игорь Еранин «Недопетая песня». Вологда, 2002. Посмертная книжка молодого поэта из Вожеги (1966–1999).

В. Белов «Молюсь за Россию!». беседа известного писателя с Вл. Бондаренко, ж. «Наш современник», №10, 2002. В этом же номере продолжение книги Ст. Куняева «Поэзия. Судьба. Россия».

А. Панарин «Страхи властвующих как фактор стратегической нестабильности». ж. «Наш современник», №9, 2002. Замечательная статья русского философа. О предателях своих народов.

Частный музей графики в квартире писателя Вяч. Белкова. Буклет с иллюстрациями. Вологда, 2002, Тираж 100 экземпляров.

Евгений Соколов «Живопись». альбом. Вологда, 2002. Хорошо иллюстрированная книга об известном вологодском художнике.

Василий Ситников «Красный остров». стихи, Вологда, 2002. Очередная книга, поэт живет в Великом Устюге.

Ольга КУЗНЕЦОВА

ГОРЕ ЧИНОВНИКА

Внешне он был похож на последнего царя-бабюшку.

Одна старушка, сказывают, как увидала его однажды в церкви, так и ума лишилась. Всех убеждала, что сам царь — бабюшка на службе стоял. Вусторонье, в простом платье, только глаза грустные, а во лбу — то ли звезда выжжена, то ли пули след алеет...

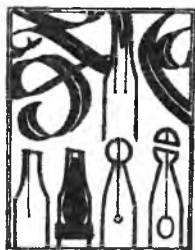
Эта внешность вводила многих в заблуждение насчет его личных качеств. Ведь на самом деле он, несчастный, был человек совсем недобродетельный. Как болезнь у него была — втихаря пагадить. Поговоришь с ним — словно с отцом родным повидаешься — и понимает-то он, и сочувствует, и совет даст дельный, а попробуй, повернись спиной, да выйди, враз многое изменится. На следующий же день узнаешь о себе такое, что и во снах не привидится.

О своем грехе он знал. А ипаче зачем же в церковь-то частенько заходил? Всегда, правда, к концу службы, и не крестится никогда. Кто-то говорил, что он к другу своему — отцу Серафиму туда ходил, потом они вместе обедали в столовой. Для церковных служащих. Но я думаю — молиться ходил туда, так как сам однажды видел, как в нустой церкви он перед иконой Чудотворца на коленях стоял и так истово молился, что меня оторопь взяла, не осмелился я его тревожить, вышел.

Но бог не был милосерден к нему — жена умерла вскорости от страшной болезни. Как он изменился! Борода, раньше ухоженная, теперь торчала пестрыми клоками. Одежда, хоть и не модная, но аккуратная была, а стал — как бродяга. А глаза стали безумные. Сказывают, детей — двое у него было, забрала к себе сестра. И вот что интересно — если раньше был он за глаза пакостник, теперь говорил неприятное в лицо. Ты, мол, вор, первый и первейший, — так и сказал губернатору. Первый и первейший — так и сказал. Тот только досаду на лице отобразил, да и прошел мимо. И так вот всем, не жалея, на чины не глядячи. Я-то старался ему не попадаться на глаза. А раньше-то была у нас с ним встреча. Нужда была для детишек-сирот, что больные, дачу, выезд за город на лето организовать. Всего-то и надо было — так в половину того, что он в подарки губернатору на юбилей города вбухал. Нет и нет, — отвечивал он тогда. Не видал, чай, как дети-то, которые больные, страдают. А видом-то своим он вроде как сочувствовал мне. А уж потом до меня дошли слухи, что я за своих детей ходатайствовал, мол, хотел их к морю за городской счет свезти.

Обидно мне было — так о белые руки чиновника вымараться. Да ладно бы я один в таких дураках от него остался, так нет — много нас таких. Ведь верили ему!

А безумного-то его я еще пуще берегся. Но случись так — нос к носу мы столкнулись у магазина на Каменном мосту. А он вроде как меня и узнал. Что-то там мелькнуло в глазах его. Схватил он меня за рукав, и говорит: «Явись-ко ты ко мне на прием. Да поскорей». «Когда явиться-то?» — спрашиваю. «Да хоть завтра», — отвечает. Я человек маленький. Сказали, так и пришел. В кабинет-то его попал, а он сразу мне бумаги под нос — вот вам постановление о финансировании, о выделении помещения, о статусе. И все-то подробно, грамотно так расписано, и на хорошей бумаге. Схватил я бумаги, чуть было подпись, сделанную его рукой, не целую. А он как закричит: «Иди, иди. Мне работать надо. У меня еще много дел!» И правда, потом оказалось, что всем, кто раньше к нему кланялся, почти всем бумаги такие, разрешения их вопросов, выдал... Застрелился он вскорости. Как уж он руку-то на себя наложил, как посмел? Но я так думаю, что не в своем уме он стал. Глазища-то как вспомню его, так мороз по коже идет, а душа плакать хочет... Завернули нам его разрешенье-то. Казна говорят, пустая. А дом, где мы уже распланировали, где какие помещения будут, отдали одному городскому начальнику под жилье. Когда ремонтировали — говорили, что для нашей приюта, а как ремонт закончился, так и отдали. А вот Николай Ефграфович — до сих пор у меня перед глазами стоит. Не больной уже, а когда на императора был похож. Вот только ростом поменьше. Ну, и в плечах поуже. Царство им обоим небесное.

«ЗА СТРОКОЙ ПЕРЕВОДА»

Книга с таким названием вышла недавно в Магадане. Автор ее — Елена Лысенкова, кандидат филологических наук, автор более 50 работ по проблемам художественного перевода. Подзаголовок книги — «Переводчики Р. М. Рильке о своем труде». Тема эта редко освещается в литературе, поэтому книга Е. Лысенковой будет полезна многим — и ученым, и переводчикам, и всем читателям.

В основе книги лежит анкета, на вопросы которой ответили 45 переводчиков — К. Азадовский, В. Белков, А. Березина, Е. Витковский, В. Куприянов, В. Микушевич, А. Пурин, М. Рудницкий, Р. Чайковский, О. Сздакова, В. Топоров и другие. О каждом переводчике дана биографическая справка. Вот, например, фрагмент биографии Нины Кан: «Родилась в 1926 году. Работала переводчиком, преподавателем. В переводе Н. Кан были опубликованы «Сонеты к Орфею» Р. М. Рильке... Кроме того переводит русскую поэзию на немецкий язык (С. Есенин, Б. Окуджава, Н. Рубцов). Нина Кан живет и работает в Москве, член Союза писателей России».

А вот фрагмент ответа на анкету профессора Романа Чайковского: «Я понимал и сейчас понимаю, что Рильке — это нечто особое и в сфере литературы, и в царстве духа. Это гений — гений языка, гений слова, гений поэзии. Рильке до сих пор — это неразгаданная загадка. Рильке — это всегда вызов, Рильке — это счастье, это вдохновение, это убежище...» Любопытно, что эти же слова сегодня многие читатели могут сказать о Николае Рубцове, как говорили когда-то о Пушкине, Блоке или Есенине.

Многое можно написать о замечательной, необычной книге Елены Лысенковой. Но добавим только, что вышла она маленьким тиражом и сразу стала редкостью, автоматически... И предлагаем читателям журнала два перевода одного стихотворения Рильке из предыдущего издания магаданского Северного университета.

В. Белков

ПЕРЕВОД ЕЛЕНЫ ЛЫСЕНКОВОЙ

ПАНТЕРА

*Взгляд истомлен так прутьями вольера,
глаза уже не держат ничего.
Ей кажется, что прутьев тех без меры,
пространство там — за прутьями — мертво.*

*Шаг сильных лап, что с мягкостью пружины
по кругу ход ее всегда стремится —
как силы пляс вокруг некой середины,
где оглушенной воли мощь стоит.*

*Порой беззвучно полог разойдется
ее зрачка — и образ внутрь войдет,
в тишь напряженных членов окунется,
но в глуби сердца вновь замрет.*

ПЕРЕВОД ВЯЧЕСЛАВА БЕЛКОВА

ПАНТЕРА

*Ее глаза давно уже устали
Смотреть на прутьев хоровод,
Весь мир — порочный круг из стали,
И так за годом год.*

*Она не смотрит, шаг ее упругий
По-прежнему прекрасен и велик —
Как будто тайный танец длится в круге,
И чья-то воля сдерживает крик.*

*Лишь изредка сверкнут зрачки несмело,
Увидят мир как молнии узор, —
И снова цепенеет тело
И гаснет взор.*

ЕВГЕНИЮ ЛЕБЕДЕВУ — 50 ЛЕТ!

Замечательному художнику Евгению Лебедеву исполнилось 50 лет, Евгений Аркадьевич живет и работает в Устюжне. Он автор многих прекрасных гравюр и экслибрисов. Поздравляем Евгения Лебедева с большим юбилеем и показываем одну из его гравюр.

ЭКСЛИБРИСЫ

Авторы экслибрисов: Е. Шишеров, Е. Владимиров, Р. Агибра

ЭКСЛИБРИС В. БЕЛКОВИ

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

МОСКОВСКИЙ ВЫПУСК

22

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин, М. А. Полётова,
М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, П. Т. Бушенев, В. В. Попова,
О. Н. Кузнецова, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции

Адрес для писем: Вологда, ул. Ленина, 2. Союз писателей, Вячеславу Белкову

Сдано в набор 26.10.2002. Подп. в печать 22.11.2002
Заказ №495

Вологда
2002

